

И В СВОИ 98 ЛЕТ ОН ЛЮБИМ ПУБЛИКОЙ

Современник Станиславского, Мейерхольда, Таирова отмечает 75-летие своей творческой деятельности. Анненков — легенда русского театра. О нем написано во всех энциклопедиях мира.

Мы беседуем с Николаем Александровичем в его старинном кабинете истинно московской квартиры, в доме, где искони жили прославленные мастера Малого театра и МХАТа. Ровный свет электрических ламп отражается в высоких красивых зеркалах, скользят по отполированной временем мебели из карельской березы.

У Николая Александровича свободный вечер. Вчера он играл Фирса в спектакле «Вишневый сад», который когда-то поставил Игорь Ильинский, неоднократно говоривший: «Его Фирс — человек-талисман».

Анненков слегка нервничает, длинными, тонкими пальцами перебирает листки исписанной бумаги на секретере, постоянно встает, ходит, испытывающе смотрит на меня... По мере того, как мы привикаем друг к другу, он позволяет себе отвлечься от разговора и читать мне стихи, даже монологи. Мне — одной... Господи, думаю я: какая цепкая память, какая могучая русская речь, какое богатство чувств, души в этом человеке! Это один из последних могижан исчезающей театральной Атлантиды XIX века.

Он сыграл более 300 ролей, награжден четырьмя орденами Ленина, стал героем социалистического труда, в прошлом году получил из рук президента орден «За заслуги перед Отечеством», на котором изображен двуглавый орел — символ того государства, в котором он начал свою жизнь.

— Николай Александрович, что вы ощущаете сегодня, когда выходите на сцену Малого театра?

— Да все то же — волнение. Мне постоянно кажется, что я впервые вышел на подмостки и сдаю экзамен, от которого зависит моя дальнейшая судьба. У каждого человека есть свои учителя. У меня это Михаил Семенович Щепкин, Константин Сергеевич Станиславский и Иван Петрович Павлов с его второй сигнальной системой. На моем письменном столе лежат их труды, а на ночь я нередко перечитываю дополнение к III тому Станиславского, где он пишет по поводу работы актера над ролью (цитирует на память): «В течение всей своей жизни я добивался только трех вещей: самочувствия, перспективы и задачи».

Вот и я занимаюсь тем же, все изучаю, пробую — и конца этому не видать. Оттого плохо сплю по ночам, после спектакля никак не могу успокоиться — кажется, что не так сыграл. А когда все же вижу сны, то чудится, будто выхожу на сцену, а роли не знаю...

Впрочем, однажды такое было наяву. Раньше, во время летних сезонов Малый театр делился на несколько составов. Одни уезжали на гастроли в Киев, Одессу, Харьков, другие выступали на разных площадках Москвы. Я тоже играл в одной из таких групп в деревенском театре в Парке культуры имени Горького (который потом сгорел). Прихожу однажды на спектакль, где должен был исполнять эпизодическую роль, гримируюсь, а за кулисами какая-то суматоха. Оказывается, главный исполнитель на спектакль не явился. Публика волнуется. А его все нет и нет. Начали спектакль без него... Администратор подходит ко мне и просит: «Сыграй, Коля!» «Как? Я же ни роли, ни текста не знаю», — отвечаю ему. «Ну, сыграй! Мы уже деньги получили и если остановим спектакль, то будет большой позор для Малого театра». — «Давайте костюм», — говорю. Мне подают костюм, суфлер начинает читать текст и тут выясняется, что уже пора идти на сцену. Делать нечего — иду. Как на голгофу. Вышел я на сцену, публика ждет, что будет дальше, а партнер молчит. Ну я соответственно драматическому моменту кулаком по столу стукнул, а сам побыстрее к кулисе, где суфлер стоял.

Он мне текст шепчет, а я длинные паузы выдерживаю, текст запоминаю, а потом с чувством выдаю его. Таких драматических картин предстояло сыграть 17. Как я тогда домой добрался — не помню. Только проснулся на следующее утро, смотрю: в сапогах лежу, в калошах и в пальто... Было мне тогда 30 лет, но и сейчас, как вспомню, так мурашки по спине...

Когда я работаю над ролью, то обычно пробую множество вариантов. Их у меня — как звезд на небе. Как правило, отталкиваюсь от чувств, впереди идет сердце, потом воля, а затем, еле поспевая, «шлепает» ум. Отец тоже был такой. Больше жил сердцем, всем доверял и никого не обманывал.

— А кем был ваш отец?

— Купцом (Анненков — это мой псевдоним.) Я из купеческого рода Кокиных Тамбовской губернии села Инжавино. Отец

— А как же. Если бы я не помнил, то не смог бы сравнивать, анализировать, изучать самого себя, свою актерскую природу.

— Скажите, а как вы попали в Малый театр?

— Вы что, все хотите обо мне знать? всю мою жизнь за один вечер не перескажешь. Да и зачем? Человек интересен прежде всего настоящим. Так, недавно сделал открытие в отношении актерского самочувствия, пришел к заключению, что самое главное в творчестве артиста — это **организованное подсознание**. Я бы не смог сделать это открытие, если бы серьезно не изучал Павлова. Конечно, все заключается в самочувствии артиста, и если он счастлив, то это счастье передается и зрителям. Я, например, счастлив, что являюсь наследником Щепкина. Счастлив, что стою на сцене Малого театра и играю до сих пор! Это счастье дает мне радость, и я как бы поднимаюсь на крыльях и делаюсь легким, невесомым — и поток чувств заполняет меня. Я счастлив, что публика понимает меня, идет за мною.

А потом заставил меня еще басню прочитать, эту од сделать.

И уже с первого курса училища я стал играть в спектаклях Малого театра. Вот так я попал в Малый. Однажды — и на всю жизнь.

— А возникало когда-нибудь желание уйти в другой театр?

— Да. После десяти лет служения Малому решил уходить. И не потому, что мне роли не давали, просто стало скучно. Я хотел учиться дальше, познавать новое, пробовать себя в неведомом. И тут на мое счастье в Малый пришли режиссеры Хохлов, Волков, Судаков, Дикий — воспитанники студии Художественного театра...

— И все-таки в чем вы находите наибольшую радость?

— В совершенствовании своих ролей. Я много размышляю о смысле бытия, о вечности, о Боге. У Державина есть стихотворение «Бог», написанное двести с лишком лет назад. Чего стоит одна его строчка: «Я царь — я раб, я червь — я бог!»

Это гениальное произведение я включил в свою чтещую программу, которую подготовил на два с половиной часа, и собираюсь с ней выступать. Ведь какая колоссальная тема: человек и Вселенная, кто он есть на самом деле — ничтожная точка или Бог, который «во мне сияет»? Как много тем для творчества и как мало у человека времени для их реализации... О том, как скоротечна жизнь, понимаешь по-настоящему только в моем возрасте.

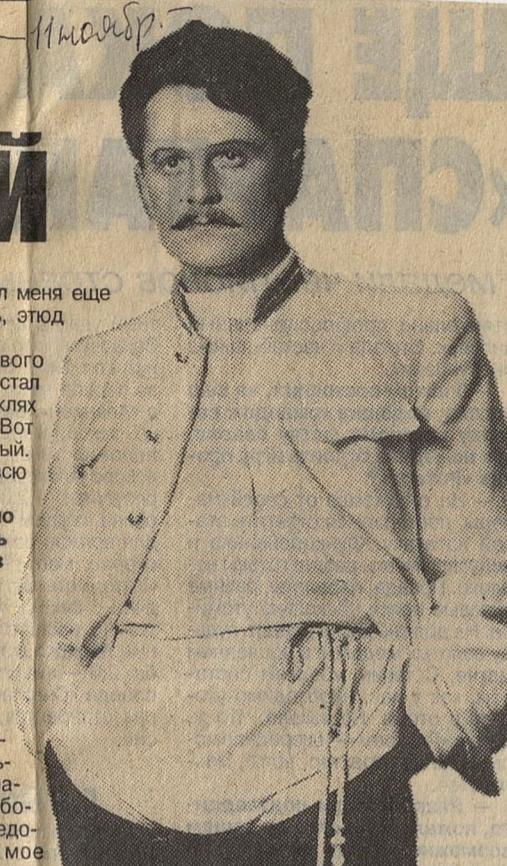
И вместе с тем, чтобы ощущать себя в полной мере — не следует изменять себе. Искусству я никогда не изменял, и оно не может быть в претензии ко мне, а вот близкие могут обижаться на меня. Я мало им давал как брат, как отец, как муж. Мне очень повезло, что у меня есть такая прекрасная жена, как Татьяна, с которой мы прожили 38 лет. Все заботы обо мне она взяла на себя, хотя сама была прекрасной актрисой, любимой ученицей К. Станиславского из его последней студии. Когда я расспрашивал Михаила Кедрова о тонкостях перевоплощения, он говорил мне: «У вас дома свой Станиславский, спросите у Татьяны Митрофановны».

Ее мужество и талант не раз спасали меня в трудные минуты. Это она вселяла в меня оптимизм, надежду. Да и сейчас я ее слушаю во всем, она мой поводырь. Недавно в день моего рождения она сочинила прекрасные стихи, где пишет:

*От того, что творится
в искусстве и в жизни,
Ты по ночам не кричи...*

— Слушая вас, я подумала, что любовь — это тоже творчество. Вы дышите воздухом творчества. Но ведь бывают моменты, когда вы попадаете в другую среду. И потом вам надо быть среди народа, чтобы понимать, что происходит в обществе, так ведь?

— Чтобы понимать, что происходит в обществе, артисту необходимо «идти в народ», он сам к нему приходит — это его, артиста, зритель. По его поведению, реакциям на спектаклях я ощущаю, чем он живет сегодня, что его волнует. К сожалению, театры стали приспособляться к падающим запросам зрителей. Им только кажется, что они ведут зрителей, на самом деле вкусы толпы стали определять репертуар. Горько становится, когда я вижу на сцене дурновкусие, пошлость. Вся моя сущность содрогается от этого и хочется бежать. Бежать в свой прекрасный, волшебный мир, к любимым героям и книгам, чтобы ничего не видеть и не

● 1940 г. Черкун — «Варвары».

Сегодня последний из могижан народный артист СССР Николай Александрович Анненков выходит на сцену Малого театра в роли Фирса в спектакле «Вишневый сад»

приехал в Москву в 1910 году и привез меня. Остановились мы на Никольской улице в гостинице «Славянский базар», здесь же в ресторане состоялась знаменитая встреча Станиславского и Немировича-Данченко. Помню, потихоньку от отца заказал я в номер большую рюмку смирновской водки. Выпил, а жидкости в роту не почувствовал. Сухо, только запах ореха ощущаю. Потом отец дал мне на целый день рубль, и я на извозчике поехал в Третьяковскую галерею... А там, где раньше было ЦК, — до этого размещались амбары Консевской и Куваевской мануфактур, куда приходили торговые люди и набирали огромные куски материи в долг, под слово купца. Без всяких бумаг. Самое удивительное, что отец покупал аршин ситца за 13 с четвертью копеек, а продавал за 14. Наживая три четверти копейки, он в течение двух лет увеличил дедушкино состояние в четыре раза. Вот какое было купеческое слово! Поэтому, когда меня спрашивают, когда было лучше — тогда или теперь — я отвечаю: до революции врал меньше и корова стоила 7 рублей. (Смеется).

и это придает мне силы, и я уже как бы не принадлежу себе, а подчиняюсь той неведомой силе, которая ведет меня в искусство.

Мой роман с Малым театром начался в 20-м году. На культурные нужды нашего кавалерийского полка (который стоял в Москве) надо было самим зарабатывать деньги, и участники драматического кружка, где я выступал, решили играть в Павловском Посаде две недели. На такой длительный срок нашего репертуара не хватало, и мы пригласили исполнителей с актерской биржи, среди которых была мать Елены Николаевны Гоголевой — провинциальная актриса. И вот когда там играли, она сказала мне: «Вам надо идти в театр!» Но в театр я не пошел, а решил учиться, чтобы стать настоящим профессиональным артистом. Мать Гоголевой посоветовала мне обратиться непосредственно к Елене Николаевне, чтобы она прослушала меня и дала какие-то советы. Когда же я осмелился подойти к Елене Николаевне и попросить ее об этом, — она ответила, что ничего в «показах» не понимает и поэтому слушать не будет. Так мой первый экзамен сорвался, зато в Щепкинском училище я читал

● 1997 г. Н. Анненков с женой Татьяной Митрофановной.

— А вы помните революцию?

— Конечно, мне же тогда было 18 лет. Как сына купца меня никто не брали и пришлось пойти служить в кавалерийский полк, где я начал играть в драматическом кружке. Да так увлекся, что потом стал выступать в Народном доме, где играл Щеткина — сволочь такую в «Детях Ванюшина». А потом еще какого-то еврея играл, который пел и танцевал, и я делал вот так: ай-тара-рара-ай, ох-тара-рара-бах! (Николай Александрович руками показывает, как он жестикулировал в танце).

— Неужели все роли помните, которые сыграли за свою жизнь?

«Смерть поэта» Михаила Лермонтова.

Передо мной сидела огромная комиссия: в середине Александр Южин, а в креслах еще 15 артистов и преподавателей. Начал читать, а сам думаю: ведь не дадут до конца дочитать. Так обычно и делали, несколько минут слушали, а потом прерывали, просили еще что-нибудь изобразить. Однако чувствую: слушают внимательно, не останавливают. Это стало подогревать меня, а когда дошел до слов: «А вы, надменные потомки, известной подлостью прославленных отцов»... то выпалил их прямо в лицо Южину. Закончил. Ноги дрожат. «Дайте кресло, — сказал Александр Иванович, — садитесь, отдыхайте».

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

слышать, как коверкают наш могучий, великий язык. Конечно, страшно, что все мы катимся по наклонной плоскости... Хочется верить, что мир наконец-то выпрямится и наступит постоянство с его вчерашним, сегодняшним и будущим днем, когда не надо будет бояться и с замиранием сердца ждать «сюрпризов». Человек не может жить в постоянном ожидании худшего, в таком состоянии он перестает мечтать.

Ведь нельзя просто так, за здорово живешь уничтожить державу. Этого никому не удалось сделать: ни Наполеону, ни Гитлеру. Так неудачливы погубим от собственной глупости?.. Россия обязана возродиться, а люди, живущие в ней, должны понять, что другого дома у них не будет, как не будет другого дома и у их детей и внуков, все-то в Америку не уедут... Ведь человек — не мерзавец, не шкал, он ЧЕЛОВЕК! Поэтому нельзя унижать его ни действиями, ни словами. В слове заключается вся наша национальная сущность. Слово — сигнал всех сигналов, как писал Павлов. Мы должны дорожить этим великим богатством, дарованным нам от Бога. Слово, произносимому актером с подмостков, я отдал всю свою творческую жизнь и буду продолжать эту работу, пока живу.

— И еще неизбежный вопрос. В чем секрет вашего долголетия?

— Самое главное, как можно меньше сердиться. Негативные эмоции стряг человека, делают его нервным. Надо стараться в каждом собеседнике находить что-то положительное и откликаться на это положительное. Ведь сама жизнь — это такой подарок судьбы, что не ценить его — просто преступление. Каждое утро я начинаю с физических упражнений, ибо должен чувствовать свое тело, ощущать, что в моих жилах течет кровь, а не водичка. Потом пью кефир или сок. У меня нет какой-то специальной диеты. Кушать надо понемногу, но вкусно, чтобы пища тоже доставляла радость. Много хожу пешком, в любую погоду гуляю по улицам и каждый раз открываю для себя что-нибудь новое. Так как современное телевидение у меня в основном связано с негативными эмоциями, то стараюсь смотреть его как можно меньше, зато много читаю, иногда за полночь... А днем два-три часа отдыхаю после обеда. Каждый человек должен слышать и слушать свой организм и не насиловать его, ведь на каждое проявление насилия он потом ответит болезнью. Но это я стал таким умным сейчас, когда моя жизнь исчисляется не по дням, а по минутам... В молодости я трудился не покладая рук, но трудился увлеченно, горячо, и поэтому работа тоже была в радость. По натуре я оптимист и очень **любоволюбивый** человек. Мне и сейчас необходимо, чтобы я кому-то нравился или кто-то нравился мне. Поэтому абсолютно согласен с А. Пушкиным, что «любви все возрасты покорны...»

Вела беседу
Любовь ЛЕБЕДИНА.